

Эрн В.Ф. Сущность немецкого феноменализма. <Речь, произнесенная в Московском РФО 29 янв. 1915 г.> // Печ. по. Эрн В.Ф. Сочинения. С. 319-326.

СУЩНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ФЕНОМЕНАЛИЗМА [1]

Моя речь «От Канта к Круппу» была посвящена вопросу о непрерывности в развитии немецкой культуры. Она вызвала много недоумений [2].

1 Эта речь была произнесена в Петрограде 26 ноября и в Москве 29 января в Рел<Сигиозно>-фил<ософском> обществе памяти Вл. Соловьева. См. Отчет в «Утре России» «Спор о германской культуре», № 31, 1915.

2 Евг. Адамов («Киевская Мысль», октябрь), Н. Эфрос. Кант и Крупп («Речь», окт.), С. Л. Франк. О поисках смысла войны («Русская Мысль», XII), П. Рысс. От Владимира Соловьева к Владимиру Эрну («День», 27 ноября), М. Рубинштейн. Виноват ли Кант? («Русские > Вед<омости>», № 33, 1915 г) и т. д.

Я не скажу, чтобы все недоумения были одинаково обоснованы. Во всяком случае, некоторая часть их мне представляется относительно справедливой. В краткой речи сколько-нибудь исчерпать столь огромную тему, как связь философии Канта с современным германством, — конечно, невозможно. Моя задача была скромнее: я стремился лишь к постановке этой жгучей темы и к обоснованию ее возможности. Мне кажется, цель эта мною достигнута. Задача моей теперешней речи опять-таки скромная и минимальная. Мне хотелось бы прибавить один существенный штрих к картине, нарисованной в предыдущей речи, и этот штрих будет заключаться в истолковании и объяснении того феноменализма, который составляет ядро теоретической философии Канта и который в своей односторонности неизбежно приводит к *Wille zur Macht* * и к блиндированным мечтам о всемирной гегемонии. Кроме того, мне хотелось бы сделать несколько маленьких замечаний, к одному из коих я непосредственно и перехожу.

I

Прежде всего, установление линии, идущей от Канта к Круппу, — есть чисто теоретический анализ. С анализом можно не соглашаться, против анализа можно сослаться на «отрицательные инстанции» — но нельзя анализ рассматривать как практическое посягательство на общепризнанные ценности. Подумать страшно, до какого духовного рабства мы можем прийти из самых возвышенных и мнимо либеральных побуждений, если мы отвергнем право исследователя вынимать музейные ценности даже самой высокой духовной культуры из-под стеклянных колпаков и рассматривать их по существу, как живые силы. Слишком скоро волнующиеся от такого испытательского отношения к великим именам пусть успокоятся от следующего простого различения. «Безумно» и «дико» войти в музей и изрезать, например, «Весну» Боттичели; и в то же время в высокой степени разумно и совсем не дико подвергать дело Боттичели теоретическому анализу и утверждать, напр., что глубоко искривлен и пленительно задушевен он в картинах на темы античные и манерен и религиозно бессилен в картинах на темы христианские. Критика есть критика, и ставить пределы свободному исследованию это значит

решительно отказаться от настоящего испытывания вещей, которое особенно опасно оставлять в такие ответственные и такие подъемные эпохи, как наша.

Второе маленькое замечание — исчерпывается упоминанием о двух любопытных фактах. Через две недели после произнесения речи «От Канта к Круппу» телеграф принес известие, что философский факультет Боннского университета избрал докторами *honoris causa* Круппа и директора крупповских заводов Аусенберга. Моя речь как бы предвидела, т. е. предсказала это событие и обосновала его диалектически, а так как по самому позитивному критерию истинного знания *savoir* — *c'est prévoir* *, то это предвидение необходимого философского затмения у интеллектуальных верхов современного германизма должно быть сочтено всяким беспристрастным человеком за косвенное указание верности моих философских «вычислений», хотя бы даже сразу они и не казались принудительно убеждающими. Другой факт заключается в том, что несмотря на открытую полемику против моей основной мысли, такой вдумчивый и осторожный писатель, как М. О. Гершензон, в своей статье «Уроки войны» признается, что «в грубом и глупом материализме немецких властей» «есть какое-то странное соответствие с новейшими немецкими учениями по теории познания» **. Под новейшими немецкими учениями по теории познания — можно разуметь прежде и больше всего имманентизм, риккертанство, когенианство — т. е. школы неокантианские. Но школы неокантианские исторически и формально связаны с Кантом, и таким образом объективной логикой М. О. Гершензон вынужден признать, что немецкие зверства, т. е. «Крупп» «имеет какое-то странное соответствие» с Кантом, по крайней мере с тем Кантом, который породил «новейшие немецкие учения по теории познания». Если избрание Круппа доктором философии звучит пикантно и для многих неожиданно, то и невольное признание Гершензона не лишено острого и глубоко симптоматического значения.

Перейдем теперь к разъяснению феноменализма.

II

Чтобы раскрыть сокровенный и корневой смысл феноменализма, я прибегну к описанию его глубочайшей сущности в терминах внутреннего опыта. Слова внутреннего опыта понятны всем и в то же время они составляют настоящее ядро самых отвлеченных философских понятий, что все больше и больше подчеркивают историки философии. Всякое познание есть взаимоотношение субъекта с объектом. Субъект — это тот, кто познает, объект — то, что познается. Иначе, субъект есть активная форма познания, объект — формируемая материя. Как активная форма субъект есть начало мужское; как формируемая материя объект или действительность есть начало женское [1].

1 Это понимание познания обосновывается в моей работе «Природа мысли». — «Бог<ословский> Вестн<ик>», 1913 г.*.

Мужское и женское могут вступать между собою в многообразные отношения. И иные из этих отношений нормальны, естественны, энтелехийны, иные же — неестественны, ненормальны, уродливо односторонни. Мужское может совершенно не считаться с глубинной сущностью и внутренним бытием женского, тогда мы будем иметь насилие мужского начала над женским, некое внешнее порабощение женского начала. Во-вторых, мужское начало, увлекаясь дурными сторонами начала женского и лстя его губительным склонностям к неопределенности и двусмыслию,

может вступать с ним в недолжное соотношение взаимного порабощения и взаимной связанности. Если первый случай есть простое насильничество, то второй случай может быть назван неодоухотворенным дон-жуанством. В-третьих, мужское и женское могут вступать в различные формы земного брака, освященного Небом и в то же время не изживающего ни всей глубины и тайны начала женского, ни всей силы и энергии начала мужского. В этом случае женское естество впервые опознается и признается в своей священной сути и утверждается навеки в аспекте страдного и блаженного материнства. В-четвертых, и это последнее и предельное взаимоотношение, формы земного брака могут быть признаны частичными и предварительными. Под их священными покровами открывается новая и глубинная невестность женского естества и влюбленность мужского, и подлинное и абсолютное соединение между ними переносится в беспредельную за-историческую сферу непостижимого брака Агнца с Церковью.

Было бы рчень легко все виды соотношения между познающим субъектом и познаваемой действительностью расклассифицировать по только что набросанной схеме. Я же применю эту схему лишь для разъяснения и раскрытия интересующего нас понятия.

III

Феноменализм происходит от слова ###, по русски — являться. Явление в нашем земном опыте есть пункт соприкосновения или встречи познающего с познаваемым. Казалось бы, эта встреча может быть мыслима по нашей схеме во всех четырех возможностях. К сожалению, философия, которая обыкновенно называется феноменалистической, с исключительным фанатизмом замыкается в первые две возможности и знать ничего не хочет о возможностях последних. Историческую силу феноменалистическая философия получает в Новое время, и здесь она имеет две формы: наивную форму английского эмпиризма и французского энциклопедизма, которые изживают в постепенном развитии различные виды преходящих, легкомысленных связей между познающим субъектом и познаваемой действительностью, и форму ученую, «критическую» в философии Канта, которая с изумительным пафосом возводит в перл создание конкубинат * между познаваемой действительностью и познающим субъектом и своим отрицанием самой возможности нормальных отношении между «мужем» и «женою» — узаконяет самые низкие формы блудных отношений, вплоть до насильнического разрушения Реймского собора снарядами крупповских орудий.

Сущность Кантова феноменализма заключается в том, что процесс частичного отрицания и меонизации познаваемой действительности [1], совершившийся в философии XVII и XVIII веков, находит у него решительное обострение. Познаваемую действительность он объявляет всю и без остатка творимой и созидаемой познающим разумом, непознаваемая же действительность разрешается у него в чистую проблематичность, в трансцендентальный *Grenzbegriff* *. Поскольку что-нибудь познается, постольку оно создается, и вне разумного созидания предмета не может быть никакого познания *In abstracto* этим дается гносеологическая формула и завет такого чистого насильничества над действительностью, при котором женственная сущность сущего начисто отрицается и не признается. Она существует лишь как предмет овладения лишь для осуществления конкубината и действительна только в нем и постольку он совершается. У Канта этот акт маскируется паутинными формами чувственности и паучиными категориями, и все же деревянный грохот схоластической терминологии и нарочитой абстракции не может

заглушить печального жужжания попавшей в эти сети и умирающей в них действительности.

1 О процессе меонизации ср. мою книгу «Борьба за Логос».

С большой гордостью Кант выставил притязание быть третейским судьей между враждующими течениями предшествующей ему философии. С непоколебимой уверенностью он надел на себя цепь судьбы и право или не право, но произнес свой решительный приговор. Различные нелады между субъектом и действительностью, которые неизбежны были при гносеологическом «дон-жуанстве» английского эмпиризма и картезианско-лейбницианского рационализма, Кант, применяя всю полноту судебной власти, решил раз навсегда прекратить формальным провозглашением развода на веки вечные между разумом и действительностью. Кант был слишком деспотичен, для того чтобы покровительствовать «легкомысленным связям». С другой стороны, он был слишком обуреваем традициями новой философии, для того чтоб признать формы священного брака и существенную невестность мира. Ему оставалась только одна дорога: сделав постановление о запрещении брака, устремиться к такому безбрачному овладению действительности, при котором были бы исключены всякие моменты подлинного соединения с объектом. Пафос *Sturm und Drang*'а *, как это ни странно, нигде и никогда не достигал такого безграничного обострения, как в Критике чистого разума. Это было абсолютно «гениальное» предприятие. Если София Арну в духе времени называла брак «тайнством прелюбодеяния» **, то Кант это изречение универсализировал, вознес к снежным истокам национальной мысли и отсюда напоил им многоводные реки дальнейшей немецкой философии. Из судьбы, сам того не замечая, Кант сделался блюстителем совокупности отдельных наук. В этом бездушном цикле отдельных обесмысленных дисциплин женственная действительность в своих различных закрытых ликах отдавалась на удовлетворение эротических ст*ремлений научного метода. Философ же в люциферическом «бесстрастии» занимался магией первоначального созидания различных ликов действительности для работы над ними «научного метода». Вся действительность, т. е. весь *orbis scientiarum* *** со всей деятельностью в нем отдельных наук в последнем счете обратились таким образом в марионеточное марево, вызываемое из небытия всемогущей волей трансцендентальной апперцепции ****, под коей, как «под таинственной холодной по-лумаской» ***** , мелькают знакомые черты исконного принципиального безбрачника и абсолютного холостяка.

IV

Но, несмотря на эти строгие постановления, Кант не оставлял своего романа с метафизикой. Он, в самом глубинном замысле своем ее окончательно уничтоживший, не переставал о ней говорить в терминах чрезвычайно странного патологического эроса. Из этого эроса и возник целый ряд в корне испорченных систем метафизики, из коих самая последняя и самая грандиозная есть мечтательное восстание позитивнейшего с виду народа на чудовищно-фантастическое предприятие.

Для меня несомненно, что неслыханное (Кант с полным правом подчеркивает совершенную новизну своего дела) искажение отношений между познающим субъектом и познаваемой действительностью не могло быть единоличным делом Канта, несмотря на всю его исключительную гениальность. Философия Канта была

ничем иным, как литературной транскрипцией тех сдвигов и перемещений, которые перед тем бытийственно совершились в самых глубоких недрах немецкой нации. Если мы укажем, в чем состояли эти сдвиги, мы разьясим последний уследимый мистико-исторический корень Кантова дела, закономерно приведший к крупновским манифестациям современного германизма.

Философии Канта в немецком духе предшествовало некое глубинное расстройство того, что может быть названо половым моментом национально-коллективной жизни. Отношения между отдельным субъектом и действительностью могли вылиться в классическую форму Кантовой философии только потому, что в порядке исторического самоопределения немецкий народ несколькими веками раньше возвел в догму аномалию отвлеченной мужественности и отрицание положительной женственной сущности. Через год после своего возвращения из Рима августинский монах Мартин Лютер со всей безудержностью, ему свойственной, перерезал живое духовное питание немецкого организма небесною женственностью Пресвятой и Пренепорочной Девы-Матери, и с тех пор начались трагические блуждания немецкого духа, через Критику чистого разума пришедшего к современному гордому предприятию: чистым насилием и одной лишь люциферической, отвлеченно-мужеской техникой своей культуры захватить власть над народами и овладеть Землей.

Вопрос, позволит ли Земля насильнику овладеть своею святою сущностью, — и решается на полях сражения.

V

Среди возражений, которые мне пришлось читать о моей мысли, одно поразило меня своею забавною серьезностью.

«В самом деле, — говорит г. Пасынков, — почему же Кант с его туманностью и распыленностью, с его системою, плавающей в «хоре стройном светил», с его ирреализацией земного, предметного, стал вдруг и земным, и реальным». «Между культурой Канта, глаза которого, были устремлены к Плеядам, и германским милитаризмом ничего общего не может быть» [1].

1 Сарацения. «Бирж<евые> Вед<омости>», 27 ноября.

Слова о «туманности» очень характерны. Их повторяет другой «критик», г. Брусиловский. «Кант, — говорит он, — вершина, с которой при всем обволакивающем ее тумане расстилаются чудные, притягивающие дали...» [1].